

"Жених (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Жених

- Чем женщина умней, тем сложнее ей самой выбрать себе мужа. А ты, милая, многих по уму обгонишь. Поэтому предлагаю свою посильную помощь в решении данного вопроса, - скромно потупив глаза, предложила Колетт, моя опекунша, компаньонка, и по совместительству подруга. Её аккуратные кудряшки подрагивали, будто она посмеивалась. Подозреваю, так и было.

- Я подумаю.

Вру, и думать не собираюсь!

- Ах, Мариетта, - с притворным равнодушием ответила Колетт. - Дело в том, что твоя нелюбовь к противоположному полу не играет роли, когда на кону стоит вопрос безопасности. Королевство не выстоит против нашествия кочевников без преданных войск, следовательно, замуж тебе все равно выйти придётся. Но! Доверившись мне, со временем ты сможешь разглядеть в своем муже потрясающие качества, ведь ты слепа, как котёнок, и даже с лупой хорошего не разглядишь. А разглядев, разумеется, с моей скромной помощью, станешь если и не счастливой, то хотя бы тихой и мирной.

Я фыркнула. Ноги сами собой носили меня по гостиной, не останавливаясь вот уже полчаса - именно столько времени прошло с момента, когда Совет объявил о моем будущем неизбежном замужестве.

- Прошу прощения, ваше высочество, но после подсчетов наших сил и сторонних угроз Совет нашел единственный выход - объединиться с кем-нибудь из соседей. И учитывая, что вы единственная наследница королевской крови, пребывающая в живых, то самым подходящим способом объединения является замужество. - Заявил мне лорд Баскем, покачивая седой головой.

- Может, я лучше удочерю какого-нибудь сиротку королевской крови? - пробубнила я.

- Никак нет! У всех сирот имеются регенты и опекуны.

- Ее высочество шутит, лорд, - подросла Колетт, сидевшая в кресле и обмахивающаяся алым, с золотым шитьем веером.

- Прошу прощения, - нахмурился тот, - что в отличие от вас не имею возможности шутить. Если нападение кочевников состоится, единственное, что мне останется - взять саблю, залезть на верного коня и выехать им навстречу. Данные обстоятельства напрочь лишают меня желания шутить на эту скользкую тему.

- Ах, лорд Баскем, - запела Колетт. - Мы чувствуем себя под вашей защитой, как за каменной стеной. Не устаю благодарить небеса за вашу неоценимую честность и самоотдачу, денно и ночью оберегающие наш покой.

- Благодарю вас. Понимаю, что решение предстоит сложное, поэтому разрешите откланяться, - сухо ответил лорд. К своим пятидесяти восьми годам он занимал пост главнокомандующего войсками уже двадцать два года, но оставался холостяком, который в каждом кокетливом взгляде подозревал подвох. Леди Колетт, несмотря на старания, за много лет так и не сумела приучить его к женским улыбкам и комплиментам. - Ждем вашего решения к вечернему чаю.

Он поклонился и вышел. С тех пор я бегаю по гостиной, а Колетт не может сдержать улыбки – так и светится радостью. Вначале она пыталась прикрыть довольное выражение лица веером, однако вскоре бросила попытки и теперь просто радуется, не прячась.

- Тебе давно пора выйти замуж, милая. И если уж обстоятельства подталкивают, кто мы такие, чтобы спорить со знаком свыше?

- Еще пара подобных замечаний и мне не останется ничего иного, чем свернуть вам шею и спрятать ваше тело в кладовке, – пробормотала я.

К счастью, Колетт меня вырастила и знала, что это я так шучу, а грубо я шучу только когда нахожусь в отчаянии, поэтому пропустила мимо ушей.

- Если ты присядешь и передохнешь минутку, я смогу настроить тебя на позитивный лад.

- Как? Вы спрятали под юбками несметные полчища солдат, которые позволяют мне не выходить замуж?

- Наоборот! Я не спрятала там никого. А тебе, милая, пора уже и прятать кого-нибудь... под подолом.

Я засопела. Колетт чем дальше, тем больше жалела меня из-за моего одиночества. Пусть хоть кто-нибудь горячий в постели, намекала она, чем годы одиночества среди пустых замковых стен. Но я думаю – лучше никого, чем кто попало, а ради тепла можно завести собаку.

Не настолько мне хотелось поклонения, впрочем, этого самого поклонения у меня хоть отбавляй. Я прелестна, решительна и откровенна, мною восхищается каждый встречный. Ещё бы, я же принцесса. Дай я шанс, ловеласов бы вокруг меня образовалась целая куча и каждый в меру своих талантов воспевал бы мою исключительность. Что и происходило время от времени на центральной площади во время народных гуляний.

Каждый думал, что я замечу, заслушаюсь и возьму исполнителя если не в постель, то ко двору, а там всяко лучше, чем в тавернах за еду грубых пьянчужек развлекать.

И сделай я так, остаток жизни мучилась бы сомнениями – этот льстец действительно такого высокого обо мне мнения или просто хотел попасть в мою постель, потому что это сулит массу возможностей. Положение, богатство, а если я еще и беременной сделаюсь – считай, регентство до совершеннолетия наследника.

- Ну, вижу, милая, ты снова задумалась о чём-то печальном. К чёрту печаль! Вскоре мы сыграем самую шикарную свадьбу, которую только видывал белый свет! Закатим пир горой! Только вот свадьбы не бывает без жениха. Присядь пока, я покажу тебе несколько портретов, – как ни в чем ни бывало продолжала Колетт, тасуя в руках картонки, как карты.

- Чьих, интересно? – задала я риторический вопрос.

- Потенциальных женихов, естественно. И не корчи такое лицо, многие из них очень милы. Некоторые добры. Глупцы тоже есть, если хочешь верховодить.

Ну, естественно! Наверняка заранее собрала на каждого досье.

- Принцев и королей?

- Совершенно верно, милая. Каждого из них твои родители бы одобрили, можешь не сомневаться.

Ага, одобрили бы, не сомневаюсь. Они всё одобряли, потому что одна была слегка глуповата, а второй пил без передышки. Именно из-за их умелого управления ресурсами королевства я теперь должна расплачиваться своей личной свободой.

Наверное, странно звучит, что я так спокойно и равнодушно говорю гадости о своих собственных родителях, но так уж вышло, что я их видела в жизни всего несколько раз. Не уверена, что мама хоть раз подержала меня на руках, скорее, сразу после родов отдала кормилицам и продолжила жить в свое удовольствие. Её не стало, когда мне было одиннадцать - утонула, отправившись на морскую прогулку, хотя ее пытались остановить, объяснив, что это крайне опасно, но она пообещала всех недовольных повесить, если корабль немедленно не выйдет в море. С королевой погибло двадцать семь ни в чем не повинных людей. Вот так не стало мамы, еще через год спился отец. И королевство, не развалившееся только благодаря таким людям как леди Колетт и лорд Баскем, перешло под управление подростка. Шесть лет я училась сдерживать панику при виде забитого важными лицами зала Совета и разбираться в сложностях управления вместо того, чтобы бегать на свидания и витать в любовных мечтаниях. Потом наступили последние два года регентства, остался один, по истечению которого я стану законной королевой и буду вынуждена управлять всеми делами самостоятельно. А теперь я должна ещё и замуж выйти!

- Все будет в порядке, милая, - ворковала Колетт, раскладывая на столике изображения женихов, как карточный пасьянс. - Выберешь себе по сердцу, пригласишь познакомиться, глядишь, всё и сложится наилучшим образом.

- Жаль, нельзя устроить состязание для всех желающих. По крайней мере, если уж брать мужа, то хоть способного позаботиться о делах королевства. Устроили бы отбор и выбрали самого умного и доброго. А так... из чего там выбирать-то?

Я покосилась на изображения. А то я не знаю, как получаются такие красавчики - трижды приукрашенные лица с гордым взором, которого на них отродясь не бывало, да еще и по толщине тела в три раза уменьшенные, чтобы на бумагу поместиться.

Что же делать? Как же быть?

- Может, пригласим всех наследников и одиноких королей, да и выберем на месте? - сказала Колетт. - Времени не очень много.

Меня словно на миг воздуха лишили. Времени действительно мало - всего-то пара месяцев, потом холода пройдут, снега растают, и орда кочевников ринется покорять наши земли. Еще два месяца - и я, так или иначе, буду замужем.

- Может, прямо за кочевника выйти? - предложила я. - За самого главного? Не будут же они на свои земли нападать? Людей, платящих налоги, резать?

- Бог с тобой, Мариетта, - поморщилась Колетт, и недовольство относилось вовсе не к выражению «резать людей». Нет, она не желала слышать про кочевников. - Они же не женятся, у них там все со всеми проводят столько времени, сколько хотят. В другой компании я поделилась бы пикантными подробностями, но ты девица, поэтому просто выбрось это из головы. Среди наследников и правителей соседних королевств множество достойных молодых людей, которые почтут за честь предложить тебе руку и сердце.

- А также войска, - добавила я.

- Перестань, Мариетта.

- А также получить вместе с моей рукой выход к морю, прекрасные пастбища для скота и серниевые рудники.

- Ты такая ещё глупышка, - веер леди Колетт затрепетал так, что казалось, вот-вот взлетит. - Какие рудники? Ты же красавица. Только умей придержать язычок, сплести патоку слов, и любой принц окажется у твоих ног, будь ты даже нищей.

Все, хватит! Ничего не изменить.

- Колетт, будьте так любезны отправить приглашения всем неженатым принцам и королям соседних королевств от восемнадцати до сорока. По каждому, кто примет предложение подготовьте короткое досье: характер, обеспеченность армией и деньгами, основные характеристики королевства. Ужин не подавайте, хочу побыть одна.

Я ушла, и леди Колетт не стала меня преследовать. Все-таки она была практически моей матерью и знала, когда я хочу поплакать в одиночестве.

Через неделю я вернулась из поездки к границе, через которую в случае нападения пойдут кочевники. Что сказать - если наши войска вытянуть вдоль границы рядком, получится жалкий, дырявый кордон, не способный остановить даже маленький отряд. Не поверив на слово Совету, я проверила и убедилась, что действительно, не соврали, ничего не поделаешь. Придется выходить замуж.

Утром, по возвращению в замок, я ушла в свои покои, чтобы подготовиться к вечернему балу, на котором предстоит знакомиться с претендентами. Их анкеты лежали на рабочем столе. Приехать согласились, как ни странно, почти все приглашенные, исключая двух, то есть общим количеством тридцать семь человек. После обеда и отдыха я села о них прочитать.

Что сказать, лучшим вариантом был бы Валерий Скала, которого не зря так прозвали - своими войсками он командовал лично. И не смущали меня даже его двое незаконнорожденных сыновей, но вот что Скала тяжел на руку, не очень хорошо. Вначале, вероятно, он будет меня терпеть, всё-таки королева, но рано или поздно неизбежно начнет рукоприкладствовать. Прожить большую часть жизни в качестве груши для битья мне бы не хотелось даже ради спасения своего народа.

Неплох вариант Артем Фигаро, армия большая, а сам любитель музыки, танцев и ничегонеделья. Он будет мне многое позволять, хотя бы потому, что не захочет знать о скучных, по его мнению, управленческих моментах, но и любить меня долго не будет, слишком соблазн разнообразия велик. Но это ладно, обойдусь, а вот если война? Он ничего и не сделает, быстрее ветра умчит и спрячется где-то на периферии. За такого короля воевать даже за деньги никто не жаждет.

Ладно, это основные кандидаты, остальных посмотрим и оценим на месте.

Ах, как идти-то неохота!

Но сразу после ужина, принесённого в комнату, явилась Колетт в сопровождении нескольких

горничных, которые никогда не спрашивали моего мнения относительно всего происходящего, а просто брали меня, всячески вертели, одевали и причесывали, как беспрекословную куклу. Сегодня Колетт, ответственная за образ принцессы, выбрала в качестве моего наряда платье из синего переливчатого атласа с каймой из белого жемчуга и воздушными белоснежными кружевами.

- Ах, Мариетта! Ты как воздушное пирожное с черничным кремом, которое так и хочется слопать!

Кроме вежливого «спасибо» мне не удалось выдать ни слова.

- Раз ты готова, тогда выдвигаемся!

Колетт побежала вперед, приподнимая одной рукой свои тяжеленные юбки и с нетерпением ожидая, пока лакеи откроют двери, и казалось, вот-вот потеряет терпение и станет открывать их собственноручно. У меня же как будто гири к ногам привязали.

Но бальный зал, где произойдет первая встреча с женихами, всё равно приближался. Каблуочки стучали по бархатной праздничной дорожке, двери распахивались и отовсюду лился волшебный свет. Гул голосов становился громче.

- Давай, милая, удачи.

Колетт пожала мне руку и подтолкнула ко входу.

- Её высочество Мариетта Шатене, - громко сообщил распорядитель бала. Шум стих, воцарилась жуткая тишина, я вздохнула в последний раз, потому что отныне имеют право на существование только улыбки и радостное до дебилизма лицо, и вошла в зал.

Широкая лестница полукругом спускалась в ярко освещенный зал, заполненный щеголеватыми женихами. Надо же, сколько желающих прибыло, видимо, бескрайние сочные пастбища ценнее, чем я думала. Прибыли, даже зная об угрозе набега кочевников! Это... мило.

С лестницы я плавно вплыла в это волнуемое море лиц и фигур. И почти сразу же пожалела, что женихов пригласили без компании родственниц женского пола. Они подавляли.

К счастью, Колетт ни отходила ни на минуту, беспрестанно смеясь и болтая. Я наклонилась к ней:

- Немедленно всех фрейлин в зал!

- Но милая, они отвлекут от тебя внимание женихов! – изящно хлопнула глазками леди.

- Лучше так, чем если всё это внимание обрушится на мою бедную голову и погребет под своей многотонной тяжестью!

Она огляделась и согласно вздохнула. Без подготовки с таким количеством женихов мне не справиться, а готовиться уже поздно. Ну нет у меня опыта крутить мужчинами. Да и желания.

Фрейлины явились быстро, наверное, сидели наготове. У меня с ними вполне нормальные отношения, кстати, близко я их не подпускаю, но смотреть издали на них приятно. От тяжёлых дум хорошо отвлекает их присутствие и болтовня, похожая на птичий щебет.

И сейчас пригодились – как стайка экзотических птичек в ярком оперении влетела, без труда

привлекая внимание гостей.

Женихи приосанились и повеселели. Теперь перемещаться по залу стало гораздо проще. Я познакомилась с Валерием Скалой и попыталась сбежать от него как можно быстрее. Он пожирал меня откровенным взглядом и не стеснялся описывать свое влечение ко мне, сравнивая меня со своей любимой кобылой. Фактически выходило, до кобылы я дотягиваю с большой натяжкой, и это, между прочим, комплимент. Дотягивала не каждая, как я понимаю.

Фигаро теперь стал основным вариантом. Теоретически стоит познакомиться со всеми женихами, но их так много...

- Бокал вина, чтобы поддержать силы, - прошептала Колетт и поспешила к столам.

Да, бокал вина в моем случае первая необходимость. А лучше ведро, не знаю, или даже корыто, полное до краёв, но вот положение не позволяет. Я вздохнула. Думаю, стоит пока передохнуть от разговоров, улыбок, женихов и шума и отправиться в любимый закуток зала, где колонны, цветы на высоких подставках и уютные скамейки, спрятанные от чужих глаз.

Когда я туда направлялась, из пёстрой толпы взгляд сам собой выдернул рыжее пятно.

Я застыла на месте. Так и стояла, пока Колетт не подлетела, поднося бокал.

- Что здесь делает Даск? - я грозно нахмурилась, отмахиваясь от угощения. Пить расхотелось.

- Как? Он же принц, - заюлила Колетт.

- Его не было в списке! - прошипела я, забыв про улыбку. Тут же на меня удивленно покосился ближайший жених, Трубак, который мнил себя знатоком искусства, особенно кулинарного. Пришлось растягивать губы, чтобы успокоился. Кивнув, Трубак продолжил пожирать пирожные из вазончика, который держал в руке.

- Я подумала, вероятно, ты просто забыла. - Колетт раскрыла свой веер из больших перьев и стала обмахиваться так, что прическу мне чуть не сдула, при этом делала вид, будто вот-вот грохнется в обморок.

Старая карга! Специально его пригласила, а теперь делает вид, что случайно.

Когда три года назад мы с Даском рассорились в пух и прах, он уехал и больше никогда не возвращался. Несмотря на то, что большую часть жизни провел в моем королевстве, потому что являлся младшим сыном соседского короля. Его сестра Лизи тоже часто у меня гостила и тоже пропала вместе с братом.

И после всего этого ещё посмел явиться? Ну, я ему покажу!

- Колетт, не смей за мной ходить, - сообщила я сквозь свою жуткую улыбочку. Она замахала веером еще чаще, но недовольно кивнула. Знает, когда нашкодила!

Так, ну сейчас я ему устрою! А, увидел?!

Не зря же он так быстро пятится к лавочкам, бежит от меня. Кличка у него в детстве была Рыжий бес. Потом он вырос, а кличка не сразу отлипла, только когда принца так называть стало чревато тюремным наказанием.

Помню его рыжие вихры. В девятнадцать он был высоким, тощим, глаза как огонь горят, вечная ухмылка и громогласный смех. Теперь, вижу, обтесали его, приодели, штаны, по крайней мере, целые, рубашка ровно застегнута, обувь вычищена. На лице ни одного синяка, ни одной царапины. Просто ловелас!

Я фыркнула. Обозвать Рыжего беса ловеласом может только самоубийца. Такая, как я.

Как я сразу его не увидела во всей этой одномастной толпе?

Помню, рыжая скотина, твой пламенный цвет волос в тот вечер, когда я застучала тебя со своей самой взрослой фрейлиной – дважды вдовой. Как твои волосы переливались на закате, пока ты с ней целовался в нише у библиотеки. Пока твои паршивые руки что-то такое делали у нее под юбкой.

И как после, когда я вежливо попросила тебя прервать свой отдых в моем дворце и катиться к чертям собачим к себе домой, как ты привычно дерзко усмехнулся и сказал: «А ты что, ревнуешь?». Помнится, я кричала так, как не должна была кричать. И ты кричал, что если сейчас я посмею тебя выставить, как какого-то безродного пацана, как воришку, то больше никогда тебя не увижу. А я сказала, что вали давай, быстрее, чтобы это «никогда» уже началось!

Потом ты ушел. Твоя сестра молча собралась и уехала за тобой следом. А я навсегда вычеркнула вас двоих, предателей, из моей души и сердца!

Надо же, нарушил свое обещание и припёрся?

Подойдя близко и с удовольствием убедившись, что он нервничает, я улыбнулась.

- Какая неожиданная встреча.

Даск сразу выпрямился и тут же вид у него стал такой свойский, будто он дома! Терпеть не могу его за этот вид. Как будто он тут король, а все остальное в наличии для фона. Он всегда такой вид делал, где бы ни был. И на ярмарке вокруг него деревенские мальчишки толпились, и на рыбалке вся рыба к нему плыла мимо наших удочек, и в прятках лесных все бежали прятаться именно за ним. Как будто он центр вселенной!

Прямо вспомнила и чуть пар от злости из ушей не повалил. Как будто вчера всё случилось.

- Приветствую её высочество Мариетту Шатене!

И так поклонился чётко, щёлкнув каблуками, будто преподаватель танцев. Раньше на танцевальных уроках он всегда больше придурился, выкидывал коленца, размахивал руками и тряс головой. Кто-то хорошо его обтесал, навёл лоск.

- Чем обязаны счастьем вас лицезреть? – величественно поинтересовалась я.

Уж сейчас-то я над тобой потешусь! Надо же, кусок земель такая жирная добыча, что и обещание можно нарушить? А говорил-то, а кричал! А глаза как горели, как будто я его до смерти оскорбила, когда велела убраться с глаз моих долой и не смей совращать больше моих фрейлин!

Ух, сколько лет прошло, а злости так и не поубавилось. Стоило увидеть его шевелюру, как она тут же воспламенила прошлые обиды.

В моем дворце посмел шашни крутить! Щенок!

Ну, час возмездия пробил. Кто долго ждёт, тот свое получает!

- Сам теряюсь с ответом, - процедил он с таким видом, будто мы оба не в курсе, по какой причине тут устроили сборище.

- Ну что же вы, Даск, не разочаровывайте меня, поищите ответ.

- Если желаете.

Он округлил глаза и оглянулся, бегая взглядом по полу, словно что-то потерял.

Захотелось ногой топнуть, как в детстве.

- Раз уж вы так нерасторопны, не стану скрывать - сегодняшней бал создан для того, чтобы найти мне достойного спутника жизни.

Ну, что ты на это скажешь? Я замерла в предвкушении.

- О, - он растерялся. - Надеюсь, ты не ждешь от меня желания поучаствовать в неравной и беспощадной борьбе за твою руку?

- Что-о?!

Он поклонился, издевается ещё!

- Прошу прощения, если ввел в заблуждение относительно причины своего здесь пребывания. Я не намерен на тебе жениться.

- Конечно, не намерен! Ты ещё мальчишка. Кто за тебя выйдет замуж?

- Помилуйте, ваше высочество, Мариетта Шатене. Я старше вас на два года.

- Кроме того, ты младший принц и не будешь королем. Твой удел как раз удачно жениться, чтобы возглавить другое королевство. На это весь расчет, да?

От моих щёк отхлынула кровь.

- На это был ваш расчет... с самого начала? Да? Ещё с детства?

Он стал как статуя бледный, глаза снова горят от злости и бешенства. Но больше ничего.

- Ты несправедлива, - процедил Даск. - Кроме того, я не могу участвовать... во всем этом фарсе.

- Почему это?

- Я знаешь ли, в некотором роде уже женат.

Кровь отхлынула от щек. Потом я попятилась, сама того не замечая. Даск стоял на месте, прищурившись, смотрел на меня и, наверное, злорадствовал.

Он женат...

Я развернулась и побежала прочь. Из зала, от женихов, от всего этого. Добралась до комнаты,

заперла дверь и упала на кровать.

Дура набитая! Поиздевалась она! Поставила выскочку на место!

Я не знаю, почему так сильно рыдала. Уже три года, как я распрощалась и с ним, и с его многочисленным добродушным семейством, с милой Лизи-хохотушкой. Я забыла о них раз и навсегда! Хотя не просто пришлось, особенно с Колетт. Вероятно, тогда впервые я применила свою королевскую власть, принуждая ее замолчать, потому что слушать её стенания о том, что мы глупые дети и нельзя так глупо ссориться и расставаться, нужно забыть и быть счастливыми, просто выбешивали!

Тогда, после нескольких дней проливных слез, которых от стенаний леди становилось только больше, я встала, вытерла щеки и сказала ей:

- Если я еще раз услышу о существовании этого подлеца, не говоря уже о его многочисленных, на твой вкус, положительных качествах, я отправлю тебя в вечную ссылку. Клянусь!

Тогда она замолчала, только головой качая. Седая прядь выбилась и закрывала уставшие красные глаза.

- Глупая девочка. Глупая, маленькая девочка, - прошептала Колетт. Жалела меня. Она всегда меня жалела!

Но зато с тех пор всё было нормально. Тихо, мирно, спокойно. И было бы так и впредь, не случилось необходимости выходить замуж.

Но нет же - ему нужно было все испортить. Явиться сюда... жениться! Сердце снова заколотилось. Он женат. На ком? На какой-нибудь милой принцессе, которая не топает ногами и не визжит во все горло? Которая вместо того, чтобы задирать нос, сама затаскивает его в темные углы и целует?

Всё, хватит! Нельзя снова рыдать. В дверь уже исступленно колотила перепуганная Колетт. Моя угроза за давностью лет себя исчерпала, поэтому я прощу ей её глупую попытку... не знаю уж, чего она там хотела добиться, когда приглашала Даска, но лучше всего показать ей, что мне всё равно. Иначе придется пройти заново через круги ада, которые уже были пройдены три года назад.

- Да? - я открыла дверь, как ни в чем не бывало.

Колетт стремительно ворвалась, её перьевой веер сиротливо болтался на поясе.

- Что случилось, Мариетта?

- Ничего.

- Как?!

- Я решила несколько минут отдохнуть. Туфли жмут, пришлось найти другие.

- Самой? Но как же! Слуги шепчутся, что ты летела, красная, зареванная и ничего перед собой не видела.

- Вот ещё! - нахмурилась я. Слуги, они всегда всё видят и знают, от них не скроешься, но если делать вид, что это враньё, что они могут поделать? Пусть шепчутся за спиной, главное, не в

глаза. – Просто нога болела. Кто угодно бы зарыдал, когда порвалась мозоль.

Я не удержалась и всхлипнула.

- Правда, мозоль? – она подняла брови.

- Всё уже в порядке, пойдёмте-ка обратно!

Я подцепила Колетт под локоть и практически потащила обратно в бальный зал. Если не смешаться с толпой, она не отстанет, а я пока не знаю, что делать дальше.

Рыжая скотина!

- А что же Даск? – не сдержалась Колетт. Тут же исправилась: - Как поживает? Столько лет мы о нем не слышали.

- Прекрасно поживает. Он женат. – Ответила я сквозь зубы, не замедляя шага.

Она сглотнула.

- Бог мой, но как же это так?.. Не думала, что он женится... Так быстро. Что сможет так быстро забыть... Хотя, ты сама виновата, он с тебя пылинки разве что не сдувал, а ты всё выкаблучивалась, вот и рез...

- Колетт! Хватит с меня выдумок про большую любовь! – Я остановилась, потому что меня затрясло. Колетт всегда намекала, что он в меня влюблен, но с чего она взяла? Он не пытался говорить мне комплименты, как сделали бы те, кто хотел подобраться ближе. Не дарил подарков, только дразнил всё время да высмеивал! И Колетт не знала, в каком виде я его застучала в тот вечер.

А может, и знала! Я отмахнулась. Какая разница. Какая теперь разница?!

- Мне так жаль, милая, – смотрите-ка, в глазах у Колетт слёзы. Неужели она действительно думает, будто меня задевает, что Рыжий бес женился? Да плевать мне!

- Я, конечно, крайне признательна, что вас волнует мое самочувствие. – Сквозь зубы сообщила я. – Но куда важнее вопрос моего замужества. Кажется, вы забыли, зачем собрали все это высокое общество!

- Тс-с-с...

- Ваше высочество?

Скала собственной персоной. Не теряет хватки, вырос, как из-под земли, в своих обтягивающих штанах и прекрасно сидящем камзоле.

- Мы уже думали, что лишились вашего общества. Позвольте вас пригласить на следующий танец. – Пробасил он. К счастью, любимую лошадь в своём приглашении он не упомянул ни разу.

- Конечно! – улыбка вернулась на моё лицо. – Разве может хрупкая девушка отказать такому великану в крошечной просьбе?

- Надеюсь, что и во многом другом она мне не откажет.

Он наклонился и поцеловал мне руку, при этом умудрившись её облизывать. Было неприятно – словно слизью холодной мазнули.

- Ах, ваше величество, вы сами знаете, что чувство ответственности за свой народ не всегда позволяет следовать другим, более нежным чувствам. – Опустила я глаза. Мне было неприятно то, как крепко он сжимает мою ладонь, пока ведет к залу. Там, переживая последние мгновения текущего танца, я осмотрелась. Ничего рыжего, ни единого отблеска.

Что же он тут вообще делал?

Вечер разбил меня на куски, разбил вдребезги, уже светало, я без ног свалилась на кровать, а сон всё не шел. Я, пожалуй, перезнакомилась со всеми женихами, и несколько были вполне приятными, но замуж... Замуж...

Я всхлипнула. Такое впечатление, что меня вчера предали. Хотя чем? Рыжий бес давно в прошлом. Да, каюсь, я жалела потом... после, что выгнала его так некрасиво, так грубо, перед кучей свидетелей. Конечно, он не смог вернуться, как отказаться от своего слова, даже произнесённого сгоряча? По-другому ничего быть не могло, всё в прошлом.

Но почему новость о его женитьбе так больно ранила? Между нами ничего такого не было, чтобы Колетт ни болтала. Никогда. Мы дружили, проводили вместе всё свободное время. Его отец присылал нам лучших учителей и помогал советами моим опекунам – лорду Баскему и леди Колетт, потому что не мог бросить сироту. Его улыбку и добрый смех его жены, мамы Даска, я помню и ценю гораздо больше, чем смех своих собственных родителей.

И только однажды, когда я стала совсем взрослой, только в его последний приезд, за несколько дней до того злополучного случая мне показалось – что-то изменилось. Показалось, конечно! Наверное, именно самообмана я ему и не простила. Сказки, которую сама придумала и которую ждала с замиранием сердца. А он ничего и не сделал... всего лишь разрушил мою хрупкую фантазию.

В тот вечер я любовалась закатом из галереи. Летние закаты похожи на сладкое-сладкое и ароматное фруктовое желе, приправленное анисом.

Даск неслышно подошел и встал рядом. Я и не заметила, как он вытянулся настолько, что теперь я вынуждена задирает голову, чтобы увидеть его лицо.

- И о чем ты думаешь, Мариетта, когда смотришь вниз? – спросил он. Под галереей был обрыв, а глубоко внизу – деревья. – Каково это – падать вниз? А потом взлететь, как птица?

- Я смотрю вверх, на небо, - поправила я. По имени он меня называл редко, чаще просто «малявка» или «мелочь».

Закат очень красиво отражался на его лице. Несмотря на рыжину, кожа у Даска всегда была белой, почти без веснушек, а волосы скорее алыми. В его карих глазах блестели и переливались закатные отблески солнца.

Он повернулся ко мне, и в этих глазах появилось что-то другое. Он молчал, осторожно дыша, и наклонялся все ближе.

Мне казалось, он хочет меня поцеловать. Никогда еще меня не целовали, но почему-то я была

не против. Он уставился на мои губы и вдруг закрыл глаза. Потом откинул голову назад, отшатнулся.

- Ну, смотри, на ужин не опоздай!

И ушёл.

А через три дня на закате я застучала его в компании фрейлины.

Ненавижу закаты!

Спать категорически не хотелось, но если я не отдохну, прогулка по лесу, которая намечена на послеобеденные часы, меня добьёт. Тогда я вымотаюсь, потеряю бдительность и соглашусь выйти за первого, кого подсунет Колетт, а уж эта доберманша ни за что подобного шанса не упустит.

Нет, я попробую найти того, от которого меня не воротит! От вида которого всё внутри не переворачивается, будто там варят суп, и ноги не дрожат, как последние предатели.

Только нужно отдохнуть.

Прогулка по лесу, как и ожидалось, вышла утомительной и крайне скучной. Сложно отрешиться от мира и наслаждаться тишиной, когда на небольшой территории собралось такое количество людей – тут не до уединения. За каждым деревом по принцу, спрятаться некуда.

Мне пришлось полчаса проторчать на одном месте, по щиколотку в сугробе, только чтобы со всеми женихами перездороваться.

- Я написал вам стихи, - тихо сообщил Фигаро, слегка кланяясь. - Найдите для меня пять минут вашего драгоценного времени вечером, дорогая Мариетта.

- Конечно, ваше величество, я буду ждать этих минут с нетерпением.

Когда толпа усилиями Колетт, фрейлин и столиков для пикника, полных закусок, рассосалась, пришел он.

Рыжие вихры как огонь мелькали среди белоснежных деревьев, пока он приближался.

Надо узнать, что он тут делает и выставить его, в конце концов, из королевства! Снова он портит всё, хотя, вроде бы, куда уже дальше?

Я задрала подбородок. В груди тревожно забилося сердце, становилось то жарко, то холодно. Даск часто во мне такие ощущения вызывал, не знаю, почему, но теперь всё иначе. Больше нельзя задерживать дыхание и ждать, когда он подойдет. Нельзя смаковать предчувствие. Он женат.

- Добрый день, Мариетта.

- И тебе не хворать.

- Вижу, ты отбросила условности, - он стряхнул с рукава снег и хвою, которые прицепились к ткани, пока Даск лез сквозь кусты. Прямо как раньше – ровные дороги его не интересовали,

зачем идти по тропинке, если рядом заросли, которые нужно преодолеть?

- Зачем ты приехал?

Даск отряхнул рукав и принялся за плечи. Они у него стали шире и крепче.

- Я с Максимилианом, кузеном. Помнишь его? Когда он получил приглашение, так разнервничался, что температура поднялась. Вот меня и упростили его сопровождать.

- Ясно.

Про Максимилиана говорили, что он слегка не от мира сего. Или полудурок, если совсем без купюр. Я и не знала, что они родственники.

- Твоего Максимилиана никто не обидит.

- Это намёк на то, что мне стоит убраться прочь?

- Ну что вы, Даск, конечно, оставайтесь.

- Мы опять на вы? Вы совсем заморочили мне голову своими выкрутасами.

Как же тяжело с ним разговаривать! Я отвернулась, непроизвольно отряхивая снег с веток ближайшего куста. Вчера я рыдала, как сумасшедшая. Из-за него. Сегодня он не уймётся, продолжает меня мучить.

- Мне немного не до словесных игр! Вскоре мне предстоит выбрать мужа, а это непросто.

- Разве? – он криво усмехнулся, заложив руки за спину. – Неужели выбрать мужа сложнее, чем книгу для чтения перед сном?

Что-то в этом сравнении было неприличное, хотя придаться не к чему. Ассоциации у каждого свои. Так вот – сон – кровать – ночь ассоциировались у меня с некоторых пор совсем не со сном. Особенно когда фраза сказана таким приглушенным полухриплым тоном.

- Чего ты хочешь, Даск?

- Давай мириться?

Мириться? Это было еще хуже, чем никогда не видеться. А потом он захочет подружиться? Он будет приезжать в гости со своей женой, я буду встречать их со своим мужем. Мы будем сидеть за одним столом и вместо беседы давиться словами и хмуриться?

- Давай мириться, Мариетта. Предлагаю свою помощь. Хочешь, помогу тебе выбрать жениха?

- Ты издеваешься, что ли? – я еле сдержалась, чтобы не развернуться и не уйти.

- А что? Почему нет? Я, как мужчина, смогу рассказать тебе о нас то, чего ты не знаешь. Или уже знаешь?

У него стал очень серьезный взгляд. Думает, мои зубы совсем сточились?

- Хм. А твоя жена, случайно, не будет против того, что ты мне помогаешь узнать о мужчинах

нечто, чего я не знаю?

- Нет. Она у меня благоразумная и великодушная. Нервы не трепет. Никогда не хамит, даже если человек заслужил, привечает любого в доме, как дорогого гостя и умеет прощать. Тебе следует у неё поучиться.

- Вот ещё!

Губы задрожали, и я отвернулась, вместо того, чтобы объяснить, куда ему следует пойти со своими комплиментами своей жене. К ней!

- Соглашайся на помощь, пока предлагаю, - как ни в чем ни бывало, продолжал Даск. - Рассказывай, как ты выбираешь?

- Я не знаю, - не смотря на него, призналась я. - Я не знаю, никак. Сколько я ни думаю, все равно никто...

Нужно остановиться, а то выложу всё, как на духу. Женатому мужчине? Признаться? Снова сделать себя несчастной?

- Никто что?

- Ах, оставь меня, наконец, в покое!

- Нет никого лучше меня, ты хотела сказать?

Я обернулась и, честно, хотела влупить ему пощечину. Как он смеет? Зачем дразнить меня, когда дома ждёт жена? Может раньше, когда мне было пятнадцать, я не понимала, что происходит, но теперь-то знаю. Да, тогда меня к нему тянуло. Я хотела, чтобы он меня поцеловал, чтобы рассказал на закате, как сильно меня любит, произнес признание, полное красивых слов, возможно, сложил бы моей красоте стихи, ну серенаду написал, на крайний случай.

В общем, чтобы вёл себя, как положено пылко влюбленному поклоннику!

Но вместо этого он дразнился и смеялся, и бросался косточками от вишни, и кружил в дурашливом танце посреди леса, пока в глазах не поплывёт, и обращался со мной так, будто я все ещё крошечная девочка. А потом я застучала его с фрейлиной, и на смену трепетному ожиданию пришла ревность. Несколько лет назад он заставил меня потерять равновесие и собирался повторить этот фокус. Нет, такого нельзя допускать.

Я выпрямилась и поправила платье. Среди деревьев очень вовремя мелькнули чьи-то зеленые камзолы, в которых принято выходить на прогулку или зимнюю охоту.

- Артём, это вы! - удачно он тут появился. Как раз кстати. - Рада вас видеть. Я, признаться, слегка устала от тишины. Не хотите ли составить мне компанию за чаепитием?

К вечеру мне стало дурно от чужих лиц. Нет, женихи ни в чём не были виноваты. Разве только в том, что у них неподходящий характер и цвет волос...

Вечером снова был бал. Я уже поняла, что меня будут мучить совместными развлечениями до тех пор, пока я не произнесу вслух имя. Но какое?

Я танцевала со Скалой, который неприлично сильно прижимал меня к своему телу и жарко дышал в лицо. До этого он танцевал с одной из моих фрейлин, и я украдкой наблюдала – вёл себя точно так же. Получается, разницы для него нет?

Фигаро снова написал мне стихи, а может не он, я не знаю. Я терпеливо выслушала все двадцать строф и поблагодарила. Если он станет моим мужем, я, пожалуй, однажды после очередного шедевра попросту сигану из окна галереи и полечу вниз. Это если кочевники нас раньше не убьют.

Даска нигде не было. Максимилиана, на которого я прежде не обращала внимания, теперь выделяла из толпы. Он был таким нерешительным... добрым. Подал руку споткнувшейся фрейлине и помог поймать чью-то собачку. Нашел потерянный перстень и не смел мне докучать, хотя то и дело смотрел в мою сторону и вежливо кивал.

Утомившись от танцев и постоянной улыбки, я снова ушла в угол зала, спряталась за цветочные композиции и стала наблюдать за женихами со стороны. Как будто это поможет!

Скала снова танцевал с фрейлиной, крепко обхватив её за талию. Я машинально обхватила себя руками, представляя, что это мужские руки меня обнимают, и закрыла глаза.

- Мечтаешь?

Я вздрогнула. Ну, конечно! Конечно, никуда он не убрался, а продолжает портить мне жизнь. Как будто есть ещё куда.

- Чего тебе теперь? – не оборачиваясь, спросила я.

- Хочу знать, – он подошёл и остановился так близко, что я почувствовала на шее его дыхание. – Ты мечтаешь о Скале?

- Нет.

- Ты смотришь на него.

- Нет.

- А о ком тогда?

Я передёрнула плечами, как от озноба. Его дыхание – просто воздух, но отчего так дрожит тело? Отчего так сильно бьётся в груди и горле что-то бестелесное, не находя выхода?

- Молчишь? Хочешь, кое в чём признаюсь? Теперь-то можно.

Я не хотела, но всё равно открыла рот:

- Ну?

- Когда-то я представлял в каждой... тебя. Закрывал глаза и видел под своими руками и телом тебя.

- Как ты смеешь! – Всё во мне затряслось от злости. – Как ты смеешь такое говорить! Ты! Знаешь, мне жаль твою жену, никто не заслужил, чтобы с ним так обращались! За спиной такое говорили другой женщине!

Даск не обращал внимания, продолжал, а так как он говорил шёпотом, пришлось замолчать, иначе ничего не было слышно.

- Я был в тебя влюблён. Ага. Я тебя боготворил. Но как же я был глуп, вернее, нет, не глуп, просто неопытен. Я думал – как можно щупать девушку, которую обожаешь? Как можно заставлять ее удовлетворять твои жалкие телесные нужды? Нет. С неё нужно пылинки сдувать, а низменное нужно оставить для тех, кто на одну ночь. Только потом понял, каким я был дураком. Нужно было щупать тебя. И никого другого. Именно так и следует поступать с той, кого любишь. Поэтому прости меня. Прости за то, что я этого не сделал.

Пришлось снова убегать, чтобы не устроить истерику прямо посреди бала. Я сорвалась с места за секунду и первую пару минут я боялась, что Даск побежит следом, потому что в голосе его было такое напряжение, как будто он совсем не извинялся. Звучало так, будто он умирал или просто хотел мне отомстить. Но за что? За свои прошлые чувства?

Господи, если бы я только знала!

Падая в своей комнате на кровать, я чувствовала, как пылают щёки. Как он посмел сказать такое... кому-то, когда сам женат? За что?

Впрочем, он же упомянул, что это в прошлом. Теперь-то можно, сказал он.

Жестокая скотина! Думает только о себе, раз у него всё в прошлом, значит, больше ничего и не колышет.

Будь проклят тот.... ну, не знаю, кто виноват во всей этой ситуации, но будь он проклят!

Я впала в забытие до утра, так и не позволив никому к себе войти. Колетт прорвалась в комнату на рассвете, решительная, настроенная научить меня достойному поведению.

- Что с тобой происходит, Мариетта? Немедленно поднимайся и приводи себя в порядок. Женихи недоумевают, отчего ты так странно себя ведешь, вместо того, чтобы заняться делом и перестать их мучить. Никому не нравится, что ты так долго тянешь с выбором! Так больше не может продолжаться!

- Так больше не может продолжаться, – согласно пробормотала я в подушку, не поднимая головы.

- Ты позоришь свой род!

- Я позорю свой род.

- Ты не найдешь достойного жениха, если будешь вести себя как дурочка.

- Я не найду достойного жениха.... – Горло свело и я зарыдала.

Колетт замолчала и упала рядом на кровать, комкая в узловатых пальцах свой очередной веер, на этот раз бежевый тряпичный.

- Милая, я и не представляла, что ты настолько боишься замужества. Среди гостей есть во всех отношениях достойные люди. Поверь мне, со временем ты привыкнешь к ним и даже полюбишь. Поверь мне, всё проходит, разбитое сердце лечится. Послушай меня и выбери того, кого я посоветую.

- Нет.

- Я хочу, как лучше, милая.

- Лучше было бы тебе не приглашать Даска, - равнодушно ответила я, так и валяясь на кровати.

Колетт нахмурилась.

- За это извини.

- Как ты могла пригласить женатого мужчину? - слёзы снова полились, и я захныкала, хотя терпеть этого не могла.

Она хотела что-то сказать, но замялась.

- Извиняйся! - требовала я, голос срывался. Как в детстве - глупо, конечно, но мне становилось лучше.

- Прости меня, милая, - прошептала Колетт. - Прости меня, прости. Прости, что я так сглупила. Прости меня, Мариетта.

Легче не стало.

Прорыдав и повсхлипывая ещё с полчаса, я поднялась. Нет, нужно с этим что-то делать, иначе я напортачу. Сколько бы я ни рыдала, пока жених не выбран, меня не оставят в покое. Будут усиленно развлекать, а мои нервы такого напряжения не выдержат. Надо решить эту проблему. Не нужно отвлекаться, к прошлому не вернёшься. Мне нужно замуж, значит, этим и займусь.

- Колет, прикажи принести настойку пустырника.

- Да, милая.

После настойки буря в душе улеглась.

День прошел в бесплодных размышлениях.

И все же решение я придумала, очень простое. Если нет возможности сделать хорошо себе, нужно сделать хорошо хотя бы другим. Я должна позаботиться о королевстве. Сейчас пойду и назову мужем Скалу, раз и навсегда покончу с решением, которое не могу принять. Пусть он таскается на войны и защищает границы, а я буду молча хлопать глазами, когда он сравнивает меня со своей лошадью. Чем не счастливая семейка?

Я отряхнула платье, пригладила волосы. Слёзы высохли, но хмурое лицо никак не желало улыбаться. Но к женихам уже отправлены лакеи, которые попросят их прийти в холл, где принцесса, то есть я, намерена озвучить своё решение.

Придётся идти так. А и ладно! Кого из них на самом деле волнует, насколько помятой я выгляжу?

Мы с Колетт уже собирались выходить, и уже пять раз поругались, потому что я отказывалась признаваться, что за объявление собираюсь сделать. Что я решила? Что хочу сказать вслух, перед всеми? Конечно, какую-то глупость, была убеждена Колетт. Наверняка очередную глупость, принятую сгоряча, за которую стану расплачиваться до конца своих дней. Скажи,

скажи, милая!

Но я молчала. Моя жизнь – моё решение.

- Только не выбирай поспешно, - в очередной раз взмолилась Колетт. – Умоляю, девочка, не решай на горячую голову. Разве опыт не научил тебя, что сгоряча ничего толкового не получается?

- Всё решено. Назад пути нет.

Мой голос так сухо прозвучал, как будто язык и горло из бумаги.

В дверь тихо постучали. Потом створки растворились, я увидела вошедшего и только изумленно вздохнула. Нет, конечно, прежде, бывало, он заходил в мою комнату, но не сейчас же! Куда смотрят фрейлины, которые приставлены охранять ко мне путь? Неужели он их всех соблазнил? Попутно, просто проходя мимо и улыбаясь своей бесовской улыбкой?

Даск хранил каменное выражение лица, руки за спиной, начищенные сапоги так блестят, что ослепнуть можно, но взгляд какой-то нездоровый.

- Я хотел извиниться, - сказал он, не смотря на меня, лихорадочно бегая глазами по полу. И глаза опухшие, будто он тоже рыдал. Рыжий бес и рыдал? Вот уж нелепость!

- Не делай глупостей, - прошелестела на ухо Колетт, но уже бодро, и почти беззвучно исчезла за дверью. Всегда поражалась, как она умудряется, учитывая свои габариты, при необходимости передвигаться беззвучно. Колдовство, не иначе.

- Вчера вечером я вёл себя непозволительно и заслужил всяческое осуждение. Ещё раз прошу прощения. Мне нет оправдания.

- Значит, ты собираешься уезжать?

Он не ответил, глаза бегали по полу, губы упрямо сжались, отвечать он явно не хотел.

Я задержала дыхание.

- Зачем ты это сказал, Даск?

- От ревности, видимо.

- Нет, так мы ни к чему не придём.

Я качала головой, и качала. И снова качала.

Сама виновата. Нельзя было задавать этот вопрос, на который нет безопасного ответа, как бы ни хотелось этот ответ слышать. Нельзя его провоцировать, иначе обоим будет плохо. Нужно взять себя в руки. На мне бремя защиты королевства. Я не могу заниматься... предавать себя и всех, склоняя Даска к адюльтеру. Это нечестно по отношению к нему, к его жене, ни в чём не виновной, и к себе самой.

Я всхлипнула.

- Мне не до игр, Даск. Если я не обеспечу королевство защитой, нас разграбят, как только солнце прогреет землю. Прошлое уже не имеет значения.

- Ты правда так думаешь? - так и не подняв глаз, тихо спросил он.

- Неважно, что я думаю. Ты женат, - я не сдержалась и когда отворачивалась к окну, сжала рукой платье на груди, прямо над сердцем. Оно душило меня.

- Мы были глупыми детьми... - ровно произнёс мужской голос.

Хотелось захныкать. Опять он начинает. Зачем?

- Но я понимаю, - мягко закончил Даск. Может, и правда, понимает?

- Мариетта, я хочу тебе помочь. Позволь внести предложение.

Голос неожиданно изменился. Очень отдалено, но прорезался тот, прежний, Рыжий бес, задира и шутник.

- Да, Даск, я послушаю тебя, - покорно ответила я. Мысль объявить Скалу выбранным женихом вдруг показалась очень-очень глупой, хорошо, что я не успела.

- Знаешь, что тебе нужно? Выбрать ты не можешь, верно?

- Да.

- Приходи через полчаса в галерею. Туда, откуда ты любишь смотреть на закат.

Хотелось отказаться, слишком личное место он выбрал. Но Даск уже ушел. И я помнила, что он умел находить выход, казалось, даже из безвыходного положения. Умудрялся что-то выдумать. Если кто и сможет мне помочь с выбором, то только он, как это не печально. Может, потому что только его я и стану слушать?

Почему же он со всеми своими умениями выкручиваться из щекотливых ситуаций не нашёл причины вернуться раньше? Не нашел повода обойти своё собственное обещание? Увидеть меня снова? Видимо, не хотел? Может, ухаживал за женой?

Я вздрогнула. Не хочу никому завидовать. У меня полчаса, чтобы взять себя в руки и вернуться к роли королевы. Всего полчаса.

Я молча смотрела вдаль. Хотя до заката еще несколько часов, тут всё равно красиво. Белоснежный обрыв, на вид мягкий, приветливый, казалось, раскрывает свои объятия - только доверься, ступи вперед...

В окне мелькнул рыжий огонь. Даск подошел неслышно, но я всегда умела чувствовать его приближение. Даже когда не хотела.

- Пусть все твои женихи пройдут испытание, - сразу сказал он.

- Какое? - я смотрела на него в стекло, так можно не отводить глаз. Так, может быть, я не обожгусь слишком сильно.

- Пусть подарят тебе самое ценное.

- Это как?

Кто в здравом уме будет дарить мне самое ценное? Испытание с подвохом, причём дурнопахнущим. Дарить что? Казну? Войска? Земли?

- Да не навсегда! – Нетерпеливо качнул он головой. - Просто ты увидишь, что для них есть самое ценное, а примешь подарок только того, за кого выйдешь замуж. Поняла? Лучше тебе их не узнать. Чем они живут, чем дышат... на что молятся. Быстрее и лучше тебе их не узнать, Мариетта.

Да, я поняла. Довольно странное предложение, но если подумать... Как уже понятно, выбрать я не могу, так и буду тянуть, пока не сделаю глупость. Сколько бы достоинств какого-нибудь кандидата я не перечисляла, всё равно приходилось останавливаться и без объяснений переходить к другому. По сути, мне безразлично, кто станет моим женихом, верно? Я ничего не теряю.

- Зато ты увидишь то, что они захотят показать. Думаю, никакие разговоры не стоят поступков. Спроси Колетт, в конце концов, если мне не доверяешь.

Ту, которая всегда была на его стороне?

Колетт я всё-таки рассказала, сразу же, как только вернулась из галереи в комнату. Она долго, очень долго думала, смотря на меня загадочно мерцающими глазами, а потом воскликнула:

- Да, Мариетта! Да! Это именно то, что требуется.

- И всё?!

Я удивилась, потому что если уж Колетт начала что-то восхвалять или прогнозировать, унять её может только обед или ужин, потому что когда жуешь, говорить некрасиво.

- Пойдём, сейчас же и объявим, хватит женихов мурыжить, им эти прогулки да танцульки тоже оскомину набили.

И мы отправились в холл, где толпились уже порядком уставшие на вид гости. Горло дрожало, не знаю, как хорошо я смогла бы произнести речь, но сегодня случился один из тех редких моментов, когда делать ничего и не пришлось. Колетт поставила меня на видном месте и приказала улыбаться, а потом упорхнула к официальному чтецу приказов. Тот выслушал её шёпот, выступил вперёд, практически оттирая меня в сторону и громогласно объявил:

- Уважаемые гости! - дальше шёл длинный перечень этих самых гостей. Поразительно, как он их всех помнил наизусть! - Её высочество Мариетта Шатене приняла решение, о котором и сообщает. Среди стольких достойных мужчин, ярких представителей своих уважаемых народов выбрать лучшего непросто. Её высочество просит вас пройти последнее испытание - она желает, чтобы каждый из вас подарил ей самое ценное из того, чем владеет.

Внизу моментально загудел тревожный ропот.

- Однако, незамужней девушке недостойно вымогать подарки от поклонников, - повысил голос глашатай. Все моментально притихли. - Поэтому все дары вернуться к своим законным владельцам, кроме того единственного, кому её высочество Мариетта Шатене пожалует свою руку. Сегодняшний день оставлен вам для размышления, завтра с утра её высочество будет принимать дары, а вечером объявит Имя. Спасибо за внимание.

Он поклонился и остался стоять на месте. На меня уставились сотни глаз, я сделала реверанс, с той самой дурацкой улыбкой, которой терпеть не могла и ушла к себе. Выдался свободный вечер, никаких тесных платьев и душных бальных залов, вот свезло так свезло!

И всё же, не сдержавшись, вечером я отправилась в галерею. Там было пусто и тихо, в приоткрытые окна задувал холодный ветер. Я медленно брела по широченному коридору, думая, как, оказывается, редко бывала здесь после ссоры с Даском. Он ушёл из замка, из моей жизни, и я перестала любоваться закатами. Я многое перестала делать, только смотрела и не видела, слушала и не слышала. Любила и делала вид, что не люблю.

Солнце садилось, медленно закатываясь за горизонт, унося с собой тепло и свет. Это было прекрасно – алые мазки огня на тёмнеющем небе.

Он подошел тихо, но конечно, я слышала. То же самое место в галерее, такой же закат, только несколько лет спустя... И немного презирала себя за то, что надеялась на его приход. И оправдывала – завтра я произнесу Имя и все посторонние разъедутся, он уберется вместе со своим братом к своей законной жене и никогда не вернется. Так будет лучше.

- Я знал, что застану тебя здесь.

- Несложно угадать. Я тут часто бываю.

- За несколько лет ты могла изменить привычки.

- Не изменила, как видишь.

- Я вижу. Это твоя главная проблема.

Я заморгала.

- Что?

- Я скажу тебе кое-что, Мариетта.

Опять гадости? Я задрала голову, но не обернулась. Лучше смотреть в стекло, чем на него. Тогда не так обидно. И можно представить, будто говоришь с воображаемым Рыжим бесом.

- Давай, говори, раз уж начал.

- Знаешь, я ведь тоже не образец для подражания.

Сложно не согласиться!

- Но я признаю, что раньше... тогда, три года назад, был молод и глуп.

- Также мне, мудрый старичок нашелся.

- Не перебивай.

Нет, сегодня точно не мой день. Тоскливо как-то... Я обняла себя за плечи. Жалко, шаль осталась в комнате, странно, как я её забыла – ведь привыкла согреваться только шалью, безо всяких объятий.

Может и правда, кошку завести?

- Так вот, - он нахмурился, как будто сам забыл, о чем говорил. - Так вот, я был дураком. Прости.

Очень интересно.

- Но ты тоже была... и есть неправда, - раньше, чем я успела что-то сказать, он продолжил. - Ходила вечно, задрал нос. Я до сих пор не знаю, нравился ли тебе на самом деле. Ты никогда, ни малейшим словом, ни малейшим делом не выказывала ко мне симпатии. Воспринимала только как неизбежность, вроде овсянки, которую нужно есть по утрам. Я всегда был как приبلудный щенок, который, конечно, ужасно мил, но его разве что полчаса можно потрепать по холке и отправиться по своим важным королевским делам. Я хоть что-то для тебя значил?

- А какая разница? - ледяным тоном ответила я.

- Я вижу, ты совсем не изменилась, - не очень радостно усмехнулся он. - Не можешь признать, что была неправда. Мариетта, сделай мне одолжение, признайся. Хоть разок.

- В чём?

- Я тебе нравился?

- Зачем тебе знать теперь?

- Раз спрашиваю, то нужно! - повысил он голос.

- Да! - крикнула я в стекло. - Да! Очень! Доволен?

Он наклонил голову.

- Теперь признайся, что была тогда неправда.

- Когда?

- Когда выставила меня прочь. За то, в чём я был не прав. Видишь, это очень просто?

Я сжала губы. С чего его потянуло на откровенности? Столько лет шатался не пойми где, успел жениться, между прочим, пока я тосковала, а сейчас пришел и требует вывернуть перед ним наизнанку душу?

С какой стати?

- Мариетта, дальше не произойдёт ничего хорошего, если ты не научишься говорить. Извиняться. Признаваться в своих чувствах. Никто не продержится рядом с ледышкой, как бы сильно её не любил. Признай свою неправоту.

- А что дальше? О каком "дальше" речь?

- Пожалуйста, просто сделай это! Ты не понимаешь, но это нужно тебе! Тебе самой!

Он не отстанет, это я помню. Мы просто поссоримся и на этом разойдемся. Только теперь навсегда.

Наверное, так будет лучше. Он обидится, вернется к жене, потому что я не могу принять

ничего от женатого мужчины, ничего из огрызков, которые он может мне предложить.

С другой стороны, вскоре мне предстоит стать женой кого-то другого – и уживаться с этим человеком. Даже если между нами не будет любви, возможно, будет понимание и участие, а это уже немало. А я, возможно, действительно не умею идти на компромисс. Лучше тренироваться заранее.

Даск ждал – я видела, как пристально он смотрит на меня в отражении, застыв и затаив дыхание. Наверное, так ждут вердикта на смертном суде.

- Я была неправа.

Он глубоко вздохнул и резко отвернулся.

- Нельзя было выгонять тебя, как приبلудного бродяжку. Ты ничего мне не обещал. Ничего не должен был... не должен был хранить мне верность. Фрейлина была свободной, как и ты. Вы оба... ни в чем передо мной не виноваты. Я никогда не говорила никому, что к тебе неравнодушна, она просто не знала, иначе бы не стала с тобой связываться.

- Значит, ты ревновала?

Он поднял голову. Зачем же он улыбается? Не насмешливо, а очень умиротворенно?

- Да. Жутко. – Мой голос прозвучал пусто. – А теперь уходи, Даск.

Он молча смотрел на меня. Переглядываться через оконное стекло было странно, но одновременно как-то просто – я не могла дотронуться до него напрямую, а до отражения могла.

Но не стала. Это ничего не изменит.

- Я впервые вижу тебя живой. Настоящей. Наверное, тебе непросто пришлось – сирота, которая и при жизни родителей была никому не нужна. Мама часто просила нас с Лизи быть к тебе ласковой. Веселить тебя. Помогать тебе. Мы старались.

- Спасибо. У вас получалось.

Отражение в стекле задрожало, смазалось, из-за слёз, моментально скопившихся в глазах.

- За последние три дня я рыдала столько, сколько не рыдала за последние три года, - сказала я.

- Тогда плачь.

Наоборот, я сжала зубы и пообещала себе, что не буду. Лучше упьюсь пустырником до комы.

- Плачь, Мариетта, потому что это будут последние слёзы в твоей жизни. Обещаю тебе.

Размытое изображение не позволило разглядеть его лица. Быстро прикоснувшись к моим плечам и так же быстро убрав руки, Даск поклонился и ушёл, оставляя меня одну.

Его обещание вогнало меня в ступор, так что плакать я перестала. О чём он? Неужели что-то задумал?

И что же он может поделать с моими слезами? А! Наверное, поступил, как каждый мужчина при виде женских слёз – пробормотал первое утешение, которое в голову пришло, и ретировался бегством. Хотя в детстве, помнится, Даск меня утешал – и по голове гладил, и платочек протягивал, и таким умильным голосом успокаивал, что хотелось плакать бесконечно, только бы он продолжал.

К сожалению, теперь меня успокаивать некому.

В комнате уже ждала радостная Колетт со стаканом отвара в руках. Вот уж кто не успокаивает, а только тормошит и требует быть сильной, смелой, во всём первой, как и подобает принцессе.

- Я должна тебе кое-что сказать, - лукаво стрельнула глазками она.

- А я тебе.

- Так вот, милая...

- Я хочу остаться одна, - перебила я. - Сейчас же.

- Но это очень важно! Послушай, я тут выяснила, что на самом деле кое-кто хитрит. Прямо как раньше. Не знаю, что уж он там задумал, но на самом деле...

- Молчи, Колетт! - возмутилась я. Слушать очередные сплетни было просто невозможно. - Ничего не хочу знать! Замолчи раз и навсегда!

Колетт тут же нахмурилась и воинственно поджала губы. Сейчас наговорит с три короба! Не дожидаясь отповеди, я крепко обняла её за плечи, прижимая к себе. Когда-то она была выше и прижимала мою голову к своему плечу, а сейчас роли поменялись.

- Пожалуйста, тётушка, - шептала я в её волосы. - Пожалуйста, не мучай меня больше. Просто дай мне побыть одной. Завтра... завтра я назову Имя - и всё закончится. Завтра вы продолжите делать мою жизнь хотя бы отдалённо счастливой. Благодарю тебя за всё, милая Колетт. И прошу - дай мне время до утра. Только мне.

Я отодвинулась, поцеловала её в лоб и отпустила.

Колетт вздохнула, но не сказала ни слова, просто развернулась и ушла. На этот раз её шаги звучали тяжело, грузно, как будто идти ей было нелегко.

Завтра я вспомню, что она уже не молода. Что она отдала мне лучшие годы, не завела ни семьи, ни детей, а единственная сердечная склонность, которую она себе позволила - лорд Баскем, боится женщин, как огня, поэтому тоже не опасен. Не ответит взаимностью.

А я вот почему-то думаю, что нужно их свести. Это меня позабавит, точно!

Я взгромоздилась на перину, распутывая завязки платья и болтая ногами. Рыдать совершенно не хотелось. Хотелось, чтобы Колетт побыла в моей шкуре.

Да! Решено! Нужно подстроить какую-нибудь каверзу, так, чтобы лорду Баскему ничего другого не оставалось, только жениться на леди Колетт. Может, подарить ему её в качестве поощрения за заслуги перед королевством? От подарков за заслуги не принято отказываться!

Я захихикала. Да, написать красочную грамоту, леди Колетт запаковать в большущую картонку и обвязать кружевным бантом. Всё это доставить лорду на дом. Прямо вижу эту картину, где

вечно хмурый лорд таращится на подарок и раздумывает, в чём подвох. А потом открывает и видит – это не подарок, это карма.

- Да вы самый настоящий троянский конь! – вскрикивает лорд, потрясая грамотой. – Как вы посмели проникнуть в мой дом таким изощрённым образом?

- Я просто скромная исполнительница воли принцессы, - опускает глаза леди Колетт, одновременно выпутываясь из праздничных лент.

Я хохотала, падая на кровать на спину и смотря в потолок, где резвились пухлые херувимы. Счастье других тоже может иссушить слёзы и прогнать печаль.

Может, именно это и хотел сказать Даск? Хотел подарить мне другой смысл жизни, раз не мог подарить себя?

Может быть...

Утро.

Конечно, начинается оно, как обычно – влетает на удивление бодрая Колетт, размахивая новым веером, за ней несколько служанок, сна ни в одном глазу – и своим идеальным видом тут же начинают выводить меня из терпения.

С этим лучше просто смириться, как я поняла ещё в раннем детстве. Всё равно причешут и оденут, хоть мыться самой позволяют, и то хорошо.

- Ах, сегодня такой чудесный день! – кричит Колетт. – Сегодня, наконец, мы узнаем имя нашего будущего короля.

И найдёт же, как испортить настроение!

Все утро мне хочется увидеть Даска. Но это невозможно.

Проходит завтрак, лорд Баскем является с заявлением о том, что груда бумаг только и ждёт, когда ими займётся новоиспечённый король, все прочие собираются в тронном зале, он огромный, но сейчас становится похож на улей, тесный и душный. Каждому не терпится посмотреть, что за подарки преподнесут женихи, точнее, кто чем богат.

Я вхожу, вся такая до приторности милая в своём розоватом платье, и меня встречают бурными овациями. Колетт постаралась – я так прекрасна, что сама себя с трудом узнала в зеркальном отражении. Стройная, бледная, хрупкая девушка с огромными глазницами, которые смотрят так проникновенно, что хочется броситься на защиту этого дивного существа, не жалея жизни. И никого не волнует, какая я на самом деле. Так обстоят дела.

- Испытание начинается!

Глашатай объявил начало, гости волнуются, переговариваются, а среди людских макушек нет ни одного рыжего пятна. Понимаю, так лучше, так правильно, но почему же так тоскливо!

Вручение подарков началось.

Первым, понятное дело, вышел Скала. По-другому он не мог, его стиль – стремительное

покорение, пока жертва, то бишь трепетная невеста, не опомнилась и не обратила свой взор куда-либо ещё.

- Мой меч у ваших ног. А вместе с ним – моя защита. До последнего вздоха, до последней капли крови!

Украшенная камнями перевязь с мечом звякнула, опускаясь на мраморный пол перед тронем. Рукоятка меча потёртая, им часто пользовались. Видимо, Скала действительно его ценил, возможно, даже больше своей лошади.

- Благодарю. – сказала я. Это слово мне предстоит произнести еще тридцать шесть раз, если женихи объявятся все. А насколько знаю, ни один ещё не уехал.

- Мое сердце у ваших ног.

Фарго преподнёс мне огромный рубин в форме сердца, в коробочке, выложенной белоснежным атласом. Все ахнули. Я не думала, что бывают камни такой величины, но вот один из них сверкает у моих ног.

- Благодарю.

Ужасно, что даже таинство, происходящее сейчас в бальном зале, может превратиться в рутину.

- Мои земли...

- Мои лошади...

- Моя казна...

- Мой замок...

Максимилиан вышел примерно в середине церемонии, и в зале раздались смешки. За собой он вёл пса неопределенной породы, лохматого и грузного, который извивался и бил хвостом по бокам, а его язык свисал из пасти и довольно болтался.

- Самое дорогое, что у меня есть – этот пёс. Я подобрал его на улице.

Теперь в зале засмеялись ещё громче, Максимилиан сжал зубы, но продолжал:

- Он лучший друг. Никто не любит меня больше. Никто не обладает большей преданностью. Прощу, берегите его.

Наклонившись, он потрепал пса по холке. Зал хохотал уже открыто.

- Спасибо, – крикнула я, перекрывая хохот. – Я ценю ваше доверие и обещаю – ваш друг ни в чём не будет нуждаться.

Окружающие замолчали. Впервые я произнесла что-то, кроме «Благодарю». Конечно, они думали, а не свидетельствуют ли мои слова об особом расположении к Максимилиану? Что если это означает, что у него больше шансов, чем у остальных?

На самом деле всё было иначе с точностью до наоборот – в этот момент я твёрдо поняла, что Максимилиан не станет моим мужем. Почему? Неужели дело в жалком подарке? Нет, вовсе

нет.

Дело в том, что я не могу испортить жизнь такому светлому человеку. Он заслуживает, чтобы его любили, так же преданно и сильно, как способен любить он. А я... вся моя любовь уже отдана, пусть и никогда не будет принята. Во мне пустота.

Ни за что не испорчу ему жизнь, ни за что!

- Мои земли...

- Мои лошади...

- Моя казна...

- Мой замок...

- Благодарю, благодарю, благодарю...

Конец церемонии ознаменовался тишиной. Я не сразу смогла поднять голову и встать на ноги. Вся моя надежда на лучшее, которой были полны ночь и утро вдруг испарилась. Под ногами лежали горы ценностей - самого дорогого для этих прекрасных мужчин, которые заслуживали такого же правдивого, ценного дара взамен своих, а я этот дар не могла даже взять в руки, не то что кому-то отдать. Как жаль, что наша жизнь так несправедлива.

Леди Колетт подтолкнула глашатая, который выскочил вперёд и занялся своим прямым делом - растёкся патокой, нашёл миллион красивых слов и заверил, что все дары останутся тут, кроме собаки, которую решено немедленно вернуть хозяину, чтобы животное не мучилось, пока принцесса выбирает.

К концу речи на висках у него выступил пот. Наверное, это очень тяжело, так легко и непринуждённо болтать. А я раньше и не думала... Найти нужные слова, прикрыть неразумную принцессу, которая двух слов связать не может. Нужно выдать ему премию, определённо.

Леди Колетт тащилась за мной до самой спальни.

- Ну что ты решила, Мариетта? - нетерпеливо и нервно спросила она, оказавшись внутри.

- Выдай премию глашатаю. И отпуск. Он заслужил.

- Я про жениха! - сердито отмахивалась она. - Выступать на публике - работа глашатая. Так что с мужем? Кого ты выбрала?

Посреди комнаты я остановилась и вдохнула глубоко-глубоко. Призналась:

- Я готова выслушать твои предложения, Колетт. Кого ты мне посоветуешь?

Позади воцарилось мёртвое молчание. Однако она почему-то не поспешила воспользоваться случаем, не стала меня ни в чём убеждать, склонять на свою сторону, а вместо этого негромко сказала:

- Ты повзрослела, Мариетта.

- Пора бы уже. Вскоре у меня будет семья.

- Тогда иди, прогуляйся, - она схватила меня за пояс и развернула в сторону выхода. - Иди, иди! Пройдись. Нечего киснуть в четырёх стенах. И ничего не бойся - леди Колетт не бросит свою девочку и сделает всё, как нужно. - За подбородок схватили цепкие пальцы и помотали им из стороны в сторону, как в детстве.

- Только не Максимилиан. Это моё единственное условие. Из остальных выбирай любого.

- Договорились. Ну теперь иди! Иди! - подтолкнула она меня в спину.

Куда, интересно, я могла уйти? На улице сыро и холодно, внизу множество встревоженных ожиданием женихов и ещё больше слуг, которые готовят праздничный ужин, он же прощальный. Половина из гостей собиралась уезжать к ночи, не задерживаясь до утра. Всем надоела эта глупое сватовство.

Ноги понесли меня в галерею.

Думается мне, после свадьбы я перестану сюда приходить. Странно, что это место такое пустое, тут только слуги раз в неделю убирают, а так никто не приходит.

Я слышала от фрейлин, что в галерее страшно. Хрупкий на первый взгляд тоннель словно висит в воздухе между зданиями замка и башней, и вот-вот рухнет в пропасть. Архитектор, кажется, пребывал в жуткой депрессии и сделал всё возможное, чтобы вылить её из себя, таким образом и создав этот полумост - полукоридор. Вроде не помогло, и он покончил с собой, но точно не вывалившись из галереи, уж такую интересную подробность бы я знала.

Может, сюда никто не приходит потому, что тут грустно?

Обед, кстати, остался позади, но голода нет. Какая там еда, когда решается вопрос, который не имеет достойного решения.

Солнце скрыто тучами, но оно ещё высоко. И когда оно опустится ниже, настанет время произнести Имя.

Леди Колетт, как хорошо, что ты у меня есть. Раньше я не осознавала... не ценила. Всё жалела себя, что родителям до меня дела нет, что я сирота, что на мне груз ответственности за королевство. Носила скорбную маску на лице, никого не подпуская близко. А нужно было радоваться, каждый день радоваться, что у меня есть такие люди, как леди Колетт и лорд Баскем. Что у меня есть друзья, такие как Рыжий Бес и Лизи. А я не ценила.

Неужели поздно?

- Неужели поздно? - спросила я в пустоту за окном.

А потом услышала звук шагов.

Даск выглядел расхлябанно, как раньше, когда удавалось улизнуть от камердинера до того, как он привёл его в порядок. Как будто вырвался из темницы и теперь собирается украсть в конюшне лошадь и ускакать из замка так далеко, чтобы исчезнуть на горизонте.

Может, ему так сильно хочется вернуться к ней, к жене?

Я смотрела в стекло на то, как он приближается, и молчала. Наверное, стоит сразу попрощаться, тогда вечером будет проще сделать выбор, то есть произнести имя, которое мне

назовет леди Колетт. Забавно... замуж выходить мне, а имя произносить будет она.

Но о чём я? Он так близко.

- Я тебя искал.

- Зачем?

Даже здороваться сил не было. К чему эти формальности? Между нами только пустота.

- Как зачем? Я собираюсь тебе кое-что подарить. - Несмотря на бодрый голос глаза его не улыбались. - Собираюсь подарить тебе самое ценное.

Я обернулась, забыв, что переглядываться проще через стекло. Но что он сказал?

- Что?!

- Имею право. Ты сама объявила условие - только самое ценное. Так вот, я хочу тебе подарить самое дорогое, что у меня есть. С недавних пор. Последние три года.

В руке Даск держал потёртый, потрепанный красный лист бумаги, сложенный пополам в виде книжки. На обложке криво были написаны буквы.

- Что это?

Знакомая вещица трепетала в памяти, желая взлететь, как бабочка, но никак. Алый лист бумаги, согнутый маленькими руками и упрямо не желающие выводиться буквы, написанные простым карандашом.

- Держи.

Он почти впихнул мне в руки эту странную бумагу.

- Много лет назад, когда мне было... лет десять, думаю, наступил Новый год и в парадном зале нарядили огромную ёлку. Тем утром я бежал к ней, чтобы найти подарки, которые наверняка передали нам родители. Я сбежал от слуги, который желал завязать на моей шее красивый платок и почистить платье, бежал по коридору, когда услышал это... плач.

В горле пересохло, когда бабочка взмахнула крыльями и раскрыла их перед полётом.

- Она сидела и рыдала, - продолжал Даск. - Прямо на холодном полу. И бесконечно всхлипывала, потому что опять осталась одна. Её родители были совсем бестолковыми и снова уехали куда-то, и если бы не я с сестрой, она жила бы в своем огромном замке в полном одиночестве. Тогда она не была ещё взрослой и сильной, поэтому рыдала, ничуть не стесняясь. А мне тогда еще не виделись в её светлых глазах райские врата, поэтому все, чего мне хотелось - это быстрее успокоить малявку, да получить, наконец, свои законные подарки. А потом наестся сладостей от пуза.

Я боялась открыть вложенный в руку лист.

- Как только я её не успокаивал! Пришлось, в конце концов, наобещать гору всего. Но малявка была очень упряма, и ей всё было мало и мало. Она утверждала, что её все рано или поздно бросают. Что я тоже её однажды брошу. Пришлось мне идти на крайние меры - я сквозь зубы пообещал никогда её не бросать.

- И нарушил своё слово? - прошептала я.

- Немножко. Не очень сильно. Малявка-то была хитрой и не обошлась одним обещанием. Она заставила меня подписать это... Этот лист, который у тебя в руках. Там она собственноручно, черным по белому заявила, что когда мы достаточно вырастем, я буду вынужден жениться на ней и никогда больше не оставлять одну. Я подписал, чтобы отцепилась, но так случилось - начисто об этом забыл.

Пальцы развернули листок - действительно, там кривыми буквами виднелась надпись: «Подписавший сие принц Даск обязуется жениться на прекрасной, великолепной принцессе Мариетте и пусть его искусают пчёлы, если он посмеет нарушить своё обещание»!

- Как мило...

Всё, что было в детстве, только мне и осталось.

- Я нашел этот лист в вещах гораздо позже, уже после нашей ссоры. После отъезда. Теперь ты понимаешь, что я никак не мог участвовать в глупом соревновании на право получить твою руку? Я, видишь ли, некоторым образом уже женат, данная грамота это подтверждает. И ты, между прочим, некоторым образом замужем, за мной. И никого другого выбрать не можешь.

Он задрал подбородок, снисходительно смотря сверху вниз.

- Что? - с большим трудом удалось выговорить мне.

- Я говорю, что ты не можешь выбирать жениха! Ты его уже выбрала. Много-много лет назад.

- Ты же не серьёзно? - качала я головой. Не знаю даже, какой вариант выбрать. Это дурная, глупая шутка с его стороны? Или он действительно это сделал - действительно соврал, что женат и заставил меня пережить столько жутких ночей, полных отчаяния?

- Я совершенно серьёзно.

Я взяла себя в руки и откашлялась, стуча сжатым кулаком по груди.

- Хочешь сказать, что сознательно мне врал... что женат?

- Фактически я говорил правду, о чём свидетельствует переданное тебе доказательство. Ну, пусть и скрывал некоторые маловажные подробности.

- Маловажные? Ты прекрасно понимаешь, о чём я! Не увиливай!

Вот, голос прорезался.

- Осторожно, не помни раритет. - Даск кивнул на листок, который я почти смяла в руке. - Напоминаю - это самое дорогое, что у меня есть.

- Правда? - почему-то захотелось судорожно расправить хрупкий листок, заложить между страницами любимой книги и сохранить навсегда.

- Да. Много времени у меня не было ничего твоего, кроме этого письма. Мы глупцы, верно? Что не разобрались сразу. Но теперь, когда тянуть некуда - не могу же я в самом деле допустить, чтобы ты вышла замуж за другого? - можно раскрывать карты. Леди Колетт пригласила меня и

дала возможность увидеть, что произойдёт, если я и дальше буду тянуть резину. Ты выйдешь замуж за кого-то другого. Нет, этот вариант меня категорически не устраивает, как бы я не злился, замуж ты должна выйти только за меня.

- И ты... И ты столько времени врал?

- Умалчивал во имя нашего общего блага!

- Подожди... Но как натурально у тебя вышло, тогда, в первый день. Я сразу поверила.

Он сморщил нос.

- Между прочим, это произошло не специально. Просто сорвалось с языка, и я потом уже понял, что всё сделал правильно.

- Сделал правильно?! Столько меня мучил?

- Ну да. Ты бы себя видела в момент, когда подлетела. Это ужас просто - глаза так и горели торжеством. Ты бы меня затоптала на месте, раздавила бы мою гордость и вытерла бы об моё разбитое сердце ноги. Ты жаждала мести - у тебя на лице это было написано. Если бы я тебя не осадил, мы бы переругались и снова расстались, уже навсегда.

- Правда...

Признание далось мне нелегко. Сложно смириться с тем, что вынудила своим поведением его врать. Он, конечно, тоже неправ, но я бы его уничтожила, если бы не та короткая фраза о женитьбе. Не дала бы шанса помириться.

Кстати!

- Ты сказал, леди Колетт пригласила? Значит, ты знал, куда ехал? Ты ехал на смотр женихов!

- Да не знал я, что это за приглашение! Оно звучало просто: «Её высочество Мариетта приглашает вас посетить свой замок и побывать на званом вечере».

Вот старая карга! - подумала я. - Обхитрила обоих.

- А к моменту, когда ты подошла - глаза горят от предвкушения, я уже знал, конечно, ради чего тут все эти гости. Но ещё я знал - стоит дать слабину, ты меня с потрохами сожрешь. Будешь потом жалеть, конечно, но остановиться не сможешь. Вот и сказал, как вышло. Прости.

Он осторожно взял меня за руку, которой я продолжала сжимать листок, и погладил пальцами по тыльной стороне ладони.

- Ты простишь меня?

И заглянул в глаза своим фирменным взглядом «умоляю, умоляю, прости!», от которого в детстве сердца кухарок таяли, и вместо того, чтобы выдрать его за воровство сладкого за уши, они, наоборот, давали ему ещё больше конфет, ведь как не пожалеть бедняжку. Странно, почему этот взгляд хоть и перестал быть детским, но действовал так же безотказно. По крайней мере, на меня.

- Это нечестный приём, - пролепетала я, желая простить ему сразу все грехи одновременно.

- Разве? Давай я покажу тебе нечестный.

Он аккуратно обвил рукой мою талию, наклонился и поцеловал меня.

Огонь взорвался на губах. Тот самый, который появлялся в груди каждый раз, когда его огненная шевелюра оказывалась поблизости. В тот раз, три года назад, он не поцеловал меня, и это было нечестно.

Вот тогда и был нечестный приём!

А сейчас - единственный честный.

До полуночи я возвращала женихам их дары, пытаюсь найти слова благодарности для каждого. В отличие от дневного представления, теперь они заходили в кабинет по одному, и дело без множества свидетелей шло легче.

Возможно, моя благодарность содержала одинаковые слова и выражения, но думаю, они об этом не узнали. Рядом, плечо к плечу стоял Даск, благосклонно улыбаясь каждому и то и дело отвешивая шуточки, из которых выходило, что им всем сказочно повезло на мне не жениться, потому что таким образом они получили шанс найти свою истинную судьбу.

Только с Максимилианом он позволил себе большее - стёр легкомысленную улыбку с лица, подошел и крепко пожал ему руку.

- Прости меня, - сказал Даск. Так серьезно, что даже меня проняло.

- Ничего, брат, - Максимилиан потрепал его по плечу. - Никто не должен упускать своего счастья. А я не пропаду - отец еще до отъезда в случае неудачи, а ведь изначально мои шансы были не очень-то велики, обещал закатить бал и пригласить всех девушек нашего королевства. Я женюсь на лучшей из них.

- Пусть будет с тобой удача.

- Спасибо. А вы будьте счастливы!

Никогда не думала, что отправить принцев по домам такое сложное и долгое занятие! Освободились мы только после полуночи.

Я заснула, как только добралась до кровати, и леди Колетт даже не пришлось выгонять из моей комнаты Даска, потому что тот уснул тут же, на кушетке, и растолкать нас не было никакой возможности.

- Ну вот и ладненько, - услышала я сквозь сон довольный голос леди Колетт. - И хорошо, что я раньше времени карты не успела открыть, кто знает, чем бы тогда дело закончилось. Кто знает...

А утром была свадьба. Официальный прием пройдет несколько позже, когда приедут родители Даска и Лиззи, которых я буду ужасно рада видеть, но договор должен заключиться немедленно, чтобы новый король смог ввести в страну свои войска. Впрочем, за завтраком Даск намекнул, что мне повезло с ним вдвойне - благодаря вере кочевников в Бога-Солнце рыжеволосых они весьма почитают, следовательно, будет шанс обойтись без войны, которой

никто из нас не хотел.

Да уж, я мгновенно согласилась, что более счастливой невесты давно не видели небеса. Мне не жалко, а ему приятно.

Когда церемония началась, лорд Баскем терпеливо стоял возле сияющей от счастья леди Колетт и не подозревал, что вскоре окончательно попадёт под её женские чары, потому что я не собираюсь оставлять всё по-прежнему, а намерена осчастливить свою милую компаньонку, как она осчастливила меня. Надеюсь, в процессе никто не пострадает.

А Даск терпеливо перенёс длительный процесс подготовки к торжеству и выглядел так, что глаз не оторвать. Настоящий принц, на котором ни пылинки, ни соринки, камзол новый, кудри волосок к волоску, сапоги скрипят! Вот это жертва с его стороны, вот это я понимаю!

Только тогда, под сверкающими искрами снега, который нежданно-негаданно посыпал, укрывая замок бархатным одеялом, я поверила, что Рыжий Бес действительно стал моим мужем, и даже не представляла, что могло случиться по-другому.

- Иногда исполнять свои обещания не так уж сложно? – спросил он, когда нас оставили в храме одних, гости вышли на улицу, чтобы мы могли спокойно дать друг другу клятвы.

- Иногда, чтобы понять, как тебе дорог человек, нужно его потерять, - ответила я, с жадностью его рассматривая.

Он запрокинул голову и расхохотался.

- Глупости, малышка! Не нужно никого терять! Уж я позабочусь, чтобы ты меня не потеряла. Даже если буду зол, а ты наверняка ещё не раз меня рассердишь, я позабочусь, чтобы так далеко не зашло. Будем учиться на своих ошибках.

- Будем! – согласилась я, и потянула его к себе, чтобы поцеловать, ведь сколько можно ждать, пока он сам догадается?

Впрочем, он быстро и ловко исправил все свои недочёты.

На том и закончилась сказка, началась жизнь.

Конечно, она будет разной, но это ерунда, ведь мы всегда – вместе.